

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека

В 1968 г. экспедицией Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР был приобретен на Алтае рукописный сборник конца XVI в.; в 1971 г. мы издали 39-ю главу этого сборника, содержащую Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки 1525, 1531 и 1549 гг., а также некоторые другие материалы о суде над Максимом Греком.¹

Эти тексты привлекли внимание многих исследователей: Н. А. Казаковой, Н. В. Синицыной, С. О. Шмидта, А. А. Зимина, Б. М. Клосса, А. И. Иванова, А. М. Панченко, Д. М. Буланина, Хью М. Олмстеда и других;² наши интерпретации и предположения были в основном подтверждены и продолжены (иногда — во взаимоисключающих направлениях). Некоторые из наших выводов были оспорены.

Все это, как нам кажется, дает издателю текста право взять опять слово для ряда дополнительных замечаний в связи с возникшей полемикой, хотя в ее ходе и слышались призывы прекратить наконец изучение Судных списков.³

К тому же более детальные наблюдения над составом Сибирского сборника⁴ позволяют прийти к новым выводам, проливающим свет на логику составления этой рукописи, на причину помещения в сборнике, составитель которого явно относился к Максиму Греку с симпатией и почтением, клеветнических в значительной своей части материалов о нем.

¹ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. Изд. подгот. Н. Н. Покровский и др. М., 1971. См. также: Н. Н. Покровский. Сибирская находка (новое о Максime Греке). — ВИ, 1969, № 11, с. 128—138.

² См.: Н. А. Казакова. Рец. на кн.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. — История СССР, 1973, № 2, с. 176—179; Н. В. Синицына. Рец. на кн.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. — ВИ, 1973, № 2, с. 153—156; Н. А. Казакова. 1) Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. М., 1970; 2) Максим Грек в советской историографии. — ВИ, 1973, № 5, с. 149—157; Н. В. Синицына. Максим Грек в России. М., 1977; С. О. Шмидт. 1) Новое о Тучковых. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 129—141; 2) Становление российского самодержавства. М., 1973; А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М., 1972; Б. М. Клосс. Никоновская летопись и Максим Грек. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 124—131; А. И. Иванов. Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела Максима Грека». — Там же, с. 284—298; А. М. Панченко. Археографическое открытие Сибири. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975, с. 152—156; Д. М. Буланин. Лексикон Свида в творчестве Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 266; Н. Olmsted. Studies in the early manuscript tradition of Maksim Grek's collected works. Cambridge, Mass., 1977, p. 286—308, 422—433.

³ А. И. Иванов. Несколько замечаний... с. 298.

⁴ Собрание ИИФ СО АН СССР, № 2/68. Ссылки на листы этой рукописи далее в тексте даны в скобках.

Между тем сборник этот не является конволютом, он создавался сразу, по заказу, работа была поручена нескольким писцам, его оглавление, единое по почерку и филиграммам со всем сборником, полностью соответствует реальному составу сборника; через весь текст (включая 39-ю главу) проходит единая по принципам и технике правка, одна из записей доказывает, что правка велась параллельно с созданием сборника.⁵

И, однако, 39-я глава сборника резко выделяется не только в идейном отношении, но и внешне: одна она написана деловой скорописью, весь остальной сборник — парадным полууставом. При обсуждении нашего доклада в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ в 1970 г. Н. Н. Розов сделал предположение, что это связано с каким-то функциональным различием текстов.

Высказав ряд аргументов в пользу предположения, что сборник был составлен по заказу вологодского архиепископа Ионы Думина, большого почитателя Максима Грека, создателя нового собрания его сочинений, мы привели свидетельство самого Ионы о том, с какой тщательностью и вниманием относился он к подбору текстов для заказанных им рукописей. Это делает более оправданными поиски определенной логики в подборе произведений, включенных в состав Сибирского сборника (сборник именуется их «главами», хотя это самостоятельные сочинения).

При всей пестроте содержания Сибирского сборника в основных его главах, на которые приходится большая часть его объема, можно проследить интерес к трагедии осуждения философа, к тематике, так или иначе связанной с проблемами, встававшими во время суда над Максимом Греком и подробно рассматривавшимися потом в его сочинениях.

Тематика эта довольно широка, однако нельзя придавать подобным наблюдениям слишком категорический характер; мы ведь не можем с абсолютной достоверностью восстановить ныне весь ряд ассоциаций, возникших в XVI в. при чтении какого-либо сочинения. Поиски подобного логического подтекста имеют свои границы, во многих рассматриваемых нами ниже «главах» Сибирского сборника можно найти и иные темы и связать их между собою в иные логические ряды (например, сочинения о «непознаваемых тайнах»). Тем не менее тот ряд, который привлек наше внимание, кажется нам вполне оправданным, реально существующим. Из огромного многообразия тем, затрагиваемых в творчестве Максима Грека, он включает в себя те, которые решающим образом сказались на его судьбе в переломные 1525—1531 гг. его жизни, во многом сформировали его взаимоотношения с высшей церковной и светской властью и давали ему затем богатую пищу для размышлений в годы заточения. Это нестяжательские идеи Максима, его взгляд на обязанность философа давать этические и политические наставления правителю (отсюда — более общие проблемы отношений между государем и мудрецом, светским и духовным началом), задача сохранения чистоты веры в полемике с иными вероучениями. Именно вокруг этих сторон мировоззрения Максима Грека возникали основные споры во время суда над ним, причем тенденциозное искажение взглядов философа организаторами судилища заставляло его подробно останавливаться на них в своих сочинениях.

Так, например, проведенный в последние годы Н. В. Синицкой анализ творчества Максима Грека показывает, какую принципиально важную роль в оценке Максимом своего жизненного предназначения имели его мысли об обязанности философа давать советы государю.⁶ Еще в послании Василию III о крымском набеге 1521 г. он будет подчеркивать, что до-

⁵ Подробнее см. об этом: Судные списки. . . , с. 11—16.

⁶ Н. В. Синицкая. Максим Грек в России, с. 146—149.

стойны похвалы те, кои «начальствующим слово мудро съвет благоразумен покажут», что свой долг он видит в том, чтобы «съветовати, что полезно обществу и времени пристояще». Несмотря на горький опыт судилищ 1525 и 1531 гг., он не изменит своей позиции, которая найдет яркое выражение во многих его сочинениях, и особенно в «Главах поучительных начальствующим правоверно», предназначенных для Ивана IV.⁷

Сибирский сборник открывается обширными (л. 3—87) выписками из Григория Синаита. Эта первая глава — самая большая в сборнике. До реставрации 1969 г. на одном из чистых листов в начале имелось даже написанное почерком XVII в. общее название всей рукописи — «Книга Григорей Синаит». Учительный текст, отобранный для переписки в Сибирском сборнике, свидетельствует об интересе составителя сборника к обоснованию нестяжательства, которое уже в начале этого текста объявляется одной из важнейших общечеловеческих добродетелей: человек создан «нестяжавый се отсюде камень есть ради инех добродетелей в название потребен божественнаго храма» (л. 4). Подобно тому, как это было у Нила Сорского, нестяжательство здесь — этический императив, поэтому вполне понятен и оправдан переход к подробнейшему анализу общей природы человеческих страстей, последовательных этапов возникновения греховной страсти (л. 13—14). Особое внимание уделяется при этом лихоимству, сребролюбию (л. 16, 21). Это сочетается со столь важным в учении византийских и русских исихастов тезисом об «умной молитве», приобщении к божеству «чювством умным» (л. 23—24).

Нетрудно заметить, что весь этот комплекс проблем был весьма характерен для сочинений русских нестяжателей, в частности Нила Сорского. Недавно Н. В. Сеницына интересно проследила особенности подхода к ним Максима Грека.⁸ Видимо, не случайно, что, по общепризнанному сейчас определению Б. Л. Фонкича, среди рукописей с пометами и исправлениями, сделанными рукой Максима Грека, есть Житие и главы Григория Синаита.⁹

Вторую главу Сибирского сборника составляет обширное Житие Александра Невского в редакции Ионы Думина (л. 88—150). Оно несколькими нитями связано с интересующей нас тематикой: здесь имеются обширные разделы, посвященные полемике по вопросам веры с католиками и магометанами, — одному из важных направлений творчества Максима Грека. Для ключевой темы о взаимоотношении духовного и светского начал, святого мудреца и государя Житие Александра Невского дает идеальный пример: государь — святой, мудро заботящийся о сохранении чистоты православной веры, отстаивающий ее с равным умением и на поле боя, и в богословском споре.

Из следующих разделов сборника отметим две очень краткие главы — третью и четвертую, также посвященные отношению святого и государя: один из столпов христианской философии — Григорий Богослов поучает кесаря, говоря о бренности земного бытия (л. 151 а). Связь этих текстов с творчеством Максима наиболее непосредственная — это его переводы; «главы» эти открывают важный комплекс сочинений и переводов Максима Грека, включенных в Сибирский сборник (л. 151а об., 153—161, 183 об.—207 об.). Здесь его известные сочинения против католиков и магометан, против астрологии и волшебства.

Все они тесно связаны по содержанию, а подчас и по происхождению с обвинениями, выдвигавшимися против Максима на суде: собирая в 30—

⁷ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. II. Казань, 1860, с. 338—357.

⁸ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 113—130, 197—211.

⁹ Научная библиотека МГУ им. А. М. Горького, 2С195; Б. Л. Фонкич. Новый автограф Максима Грека. — *Byzantinoslavica*, 1969, № 1, p. 81—82.

40-е гг. свои творения в систематизированные собрания сочинений, а зачастую создавая их для этих собраний, Максим постоянно стремится к развернутому аргументированному опровержению выдвинутых против него в 1525 и 1531 гг. обвинений. Об этом писали многие исследователи, а недавно Н. В. Сеницына подробно и разносторонне исследовала как содержательную сторону этой связи сочинений Максима (особенно — их ядра из 12 первых глав) с соборными обвинениями против него, так и ее влияние на состав рукописей с сочинениями Максима Грека.¹⁰ Этот анализ полностью приложим к сочинениям Максима Грека в составе Сибирского сборника; мало того, можно сказать, что включение в один заказной сборник этих сочинений и Судных списков 1525 и 1531 гг. особенно убедительно подчеркивает как упомянутую связь значительной части творчества Максима с острой дискуссией на соборах 1525 и 1531 гг., так и клеветнический характер выдвинутых тогда против него обвинений в ереси. Если демонстрация несостоятельности обвинения была одной из задач составителя сборника, он решил ее успешно.

Особо следует остановиться на одном из самых ярких и смелых сочинений этого цикла — известной повести Максима Грека о проповеди и казни Савонаролы (гл. 7, л. 153—157) — «Повесть душеполезна, достойна памяти подражания». (Это вторая часть двухчастного сочинения Максима¹¹ о католических нищенствующих орденах, которое называется «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве»).

Прежде всего о датировке памятника. Ранее исследователи толковали одно из высказываний Зиновия Отенского о нестяжательских взглядах Максима как бесспорное доказательство написания повести ранее 1525 г.,¹² но Н. В. Сеницына выдвинула четыре серьезных возражения против такого толкования и пришла к выводу: «Повесть следует отнести к числу тех произведений, время создания которых остается неизвестным».¹³ Нам представляется, что Сибирский сборник дает новые аргументы в пользу датировки памятника временем после 1531 г.

Среди новых сведений о суде над Максимом Греком, содержащихся в этом сборнике, — драматический рассказ о том, как на соборе 1531 г. неожиданно возник опаснейший для Максима вопрос о его католическом прошлом и ученичестве у Савонаролы (л. 339 об.). Влиятельный великокняжеский дворецкий боярин Михаил Юрьевич Захарьин заявил с глухой ссылкой на «многих достоверных свидетелей», что Максим Грек «в Риме» (т. е. в Италии) был «у некоего учителя во ученицех, а было их в тому ученичестве много, болши двюсот, а училися любомудрию философскому и всякой премудрости литовстей и витерстей (?), да уклонились и отступили в жидовский закон и учение. И папа римской, уведев от них таковая, повеле их имати и предати казем. И оградивши и ослонявши их дровы, сожгоша их и всех, токмо восьмь их убежаша во Святую Горю, с ними же и Максим». Отвечая на это обвинение, ученик Савонаролы, который опишет борьбу и гибель своего учителя во взволнованной и очень личной «Повести душеполезной», отделается на соборе забывчивостью: «Видишь, господине, и сам меня, в какой есми ныне скорби, и беде, и в печали, и от многих напастей отнюдь ни ума, ни памяти нет, не помню, господине». И обвинение, не имея по этому вопросу никаких достоверных улик, на этом прекращает столь опасное для Максима расследование.

¹⁰ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 153—155, 160, 170—172, 187—188.

¹¹ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, с. 178—205.

¹² Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, с. 894.

¹³ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 110—111.

При издании этого текста мы подчеркивали, что донос М. Ю. Захарьина настолько неточен и фантастичен в деталях, что несомненно опирается лишь на безмысленные слухи, разговоры. Ясно, что судьям Максима «Повесть душеполезна» отнюдь не была известна. Между тем организаторы судилища широко пользовались сочинениями и переводами Максима, тщательно выписывая в них столь необходимые им улики. Рядом с Максимом давно уже находились по крайней мере два грамотных осведомителя, которым Максим, однако, доверял.¹⁴

«Повесть душеполезна» со всей присущей ей эмоциональностью вводит в Сибирский сборник драматическую тему святотатственного осуждения праведного философа судом нечестивых гонителей. Начинается удивительная переключка рассказа Максима Грека об осуждении Савонаролы и материалов Судных списков об осуждении Максима Грека. Преследовавший Савонаролу по приказанию папы Иакима «поставил его на судилище и мучительно испытал его и оному со дерзновением отвечающе противу всех лукавств неправеднаго испытателя. И судии не могут обвинити его, свидетели [л]живи от части незаконных и непокоршихся учением его востапа на онаго преподобнаго и неповиннаго. . . , носяще на нь тяжчайша их и неправедных оглаголении, им же повинувшеся неправеднии они судия сугубую казнию осудиша его» (л. 155).

Независимо от того, является ли эта Повесть (как мы полагаем) записью устных рассказов Максима, сделанной уже после сборных судов над ним и окрашенной его собственным мученическим опытом, или же этот текст был записан еще до суда, помещение его в Сибирский сборник имеет однозначный и важный для нас смысл: 7-я глава сборника подготавливает читателя к соответствующей оценке материалов 39-й главы.

Вместе с тем «Повесть душеполезна», с ее явными нестяжательскими взглядами,¹⁵ продолжает нестяжательскую линию идеологии Сибирского сборника, отмеченную нами выше.

Из небольших глав, помещенных в Сибирском сборнике между сочинениями Максима Грека, для нас важна глава 10-я, содержащая известное соборное послание митрополита Макария о канонизации русских святых, датированное в сборнике не 1547, как обычно, а 1543 г. (л. 176—177). Это еще время сравнительно согласных действий Ивана IV и церкви: юный государь заботливо помогает церковным иерархам в проведении необходимых церковных реформ (включающих, кстати говоря, и изменение церковной службы). Это подчеркивается и в торжественной начальной формуле грамоты: «Повелением господина и сына нашего благовернаго и христоролюбиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Росия самодержца, и по совету о святем душе с сынову и со служебники нашего смирения со архиепископы и епископы и со всем освещенным собором Росийския митрополия установили есмя. . . ». Среди упоминаемых в грамоте новых русских святых — Александр Невский и Кирилл Белозерский, которым составитель сборника уделяет большое внимание.

Комплекс документальных материалов, созданных Кириллом Белозерским, составляют его послания Василию I Дмитриевичу, Юрию Дмит-

¹⁴ Сходную аргументацию мы приводили в нашем издании (с. 62) для датировки временем после 1531 г. сочинения Максима Грека «Об Афонской горе и тамошних монастырях», сравнивая его содержание с одним из эпизодов процесса 1531 г. (л. 339); нам непонятно, почему несогласный с такой датировкой А. И. Иванов вместо критики наших аргументов, вообще не подвергая вопрос какому-либо новому рассмотрению, пишет: «Н. Н. Покровский без всяких оснований заявляет, что это сочинение не было известно соборам 1525 и 1531 гг.» (Несколько замечаний. . . , с. 286). Н. В. Сеницына приводит новые аргументы в пользу нашей датировки (Максим Грек в России, с. 110).

¹⁵ А. И. Иванов. Максим Грек и Савонарола. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 217; Н. А. Казакова. Очерки по истории. . . , с. 157—159.

риевичу, Андрею Дмитриевичу и его завещание (л. 207 об.—213 об.). Это также очень авторитетный исторический пример взаимоотношений святого старца со светскими правителями. Многие места этих документов заставляют вспомнить о жанре наставления, поучения правителя, столь важном и для творчества Максима Грека. Особенно примечательно, что развернутые поучения Кирилла князьям, в том числе и великому князю Василию I, касаются такого деликатного вопроса, как княжеские семейные дела, отношения между братьями. И могущественные князья принимают советы монаха.

Далее в Сибирском сборнике следует обширный комплекс произведений византийской литературы, повествующих о знаменитых подвижниках, мучениках, проповедниках. Он открывается Житием Симеона Дивногорца (л. 215 об.—258 об.). В этом большом разноплановом агиографическом памятнике можно найти интересующие нас сюжеты и мысли. Обширная поучительная часть Жития проповедует «бежание сребролюбивых соблазней»: «. . . да не убо предпочтете паче братняа потребы крыющагося в имених беса, иже и к самому Христу дерзну приступити и рещи: сия тебе вся дам, аще поклонити ми ся»; «. . . богатство иноком, братия и отцы, нестяжание» (л. 226). Как для Жития Симеона, так и для творчества Максима Грека весьма характерно и естественно, что нестяжательство проповедуется в первую очередь как одна из трех монашеских добродетелей.¹⁶ Житие знает и мотивы несправедливого преследования святого и даже чудесного наказания его недоброжелателей.

О двух известнейших во всем православном мире примерах таких преследований рассказывается в главах 28-й и 29-й, помещенных в Сибирском сборнике сразу после Жития Симеона. Главу 28-ю составляет «Сказание о Феофиле, патриарсе Александрьстем, и о смерти его, и какова кончина бывает уповающим на тленное богатство, и како Кирилл Философ прокля Иоанна Златоустаго и книги его сожже, и паки пречистая смири их по смерти Иоанна Златоустаго» (л. 259—260 об.). Этот краткий вариант памятника сохраняет все основные его сюжетные линии и идеи. Он начинается с осуждения стяжательства, сребролюбия патриарха Феофила, рассказывает о жестокой расправе патриарха с порицавшими его жадность монахами, о том, как Иоанн Златоуст вступился за монахов и Феофил за это «восписа словеса досадительная ко Иоанну и еретика того нарек, восписав же и Аркадию царю, глаголя, яко Иоанн еретик есть». Далее излагается знаменитая история активно поддержанной царицей интриги против Иоанна в царском дворце и удаления Иоанна с престола. Центральное место в памятнике занимает рассказ о соборном осуждении святого мудреца при Кирилле, сменившем Феофила: «Состави свой младоумный собор и прокля Иоанна Златоустаго, глаголя: Еретик есть и неправедно пасет Христово стадо, и книги его сожже и не дасть его во православныя догматы написати» (л. 260); чудесным вмешательством богородицы Кирилл был приведен к раскаянию и снял запрет с сочинений знаменитого богослова.

Мы не будем подробно останавливаться на другом общеизвестном примере многолетних гонений праведного учителя: 29-й главой Сибирского сборника является «Житие и страдание иже во святых отца нашего Афанасия, исповедника Александрийскаго» (л. 260 об.—284). Сибирский сборник сохранил и рассказ о пятикратном по «наветам» удалении Афанасия Великого от паствы, и выставившиеся против него на «растлевших» соборных судилищах обвинения. Формулировки этих обвинений в 29-й главе близки подобным обвинениям в 39-й главе — еретичество, оскорбле-

¹⁶ См.: Н. В. С и н и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 105.

ние царского достоинства. Отношение к этим обвинениям в обеих главах, конечно, противоположное: Житие Афанасия обличает обвинителей, а Судные списки утверждают их правоту.

Отметим, наконец, что среди небольших материалов, непосредственно предшествующих в Сибирском сборнике Судным спискам, некоторые также затрагивают уже знакомые нам темы. Так, маленький отрывок «О авве Филороме» рассказывает о незаслуженных гонениях на святого при Юлиане Отступнике (л. 319 об.).

Конечно, можно справедливо заметить, что многие из перечисленных ситуаций и идей — общие места в православной литературе. Но ведь любые идеологические системы средневековья строятся из подобных общих мест, зачастую даже оригинальные идеи неизбежно неосознанно маскируются под них, ведь старина — синоним авторитетности. Все дело в акцентировке. Напомним, что даже столь самобытнейший мыслитель, как Аввакум Петров, чрезвычайно широко включает в свои сочинения такие общие места.¹⁷

Таким образом, можно утверждать, что 39-я глава Сибирского сборника поставлена составителем в такое окружение, которое, совпадая во многом с этой главой тематически, противоположно ей по авторской позиции. Крайняя тенденциозность Судного списка Максима Грека, его открытая враждебность по отношению к мыслителю, сочинения которого переписываются в сборнике наряду с сочинениями Григория Синаита, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, приобретает новое смысловое звучание от соседства с несколькими рассказами о незаслуженных преследованиях благочестивых философов. Ни одно слово, ни одна оценка суровых обвинителей Максима не пропущены и не опровергнуты, но судебная расправа над святогорским старцем поставлена в ряд столь многозначительных исторических прецедентов (осуждения Афанасия Великого, Иоанна Златоуста), что сама тенденциозность обличителей Максима обрачивается обличением их самих.

Мало того, этот эпизод русской церковной истории поднимается, таким образом, до уровня столь общих проблем православного мировоззрения, как отношение светской и духовной власти, царя и святого мудреца. Великие примеры, давно ставшие знаменитыми в византийской и русской литературах, оттеняют сочинения ученого афонца и псевдодокументальный рассказ о суде над ним. Ни одного прямого осуждения Василия III и митрополита Даниила в сборнике нет, но подобный состав сборника подсказывает читателю и конкретно-исторические, и общефилософские оценки происшедшего в 1525 и 1531 гг., и оценки эти закрепляются логическим завершением всего сборника — известным поучением дьякона Агапита «Изложение совещательных глав к царю Иустиниану, сложенных Агапитом, диаконом святейшая божия церкви» (гл. 40, л. 356—363). Напомним, что этот классический памятник жанра религиозно-политических наставлений правителю в XV в. пользовался на Руси особой популярностью (в частности, в связи со спорами о светской и духовной власти). Н. В. Сеницына подчеркивает, что поучением Агапита открывалась в нескольких сборниках сложившаяся устойчивая подборка произведений этого жанра, существовавшая уже в первой половине XVI в.; иногда в нее включалось послание Максима Грека Ивану IV.¹⁸

Классическое определение Агапитом царской власти было в XVI в.

¹⁷ См.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975, с. 228—249.

¹⁸ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 212.

знаменитым.¹⁹ Но читатель Сибирского сборника, имея возможность познакомиться с ним во всем контексте 21-й главы поучения, убеждался, что теория божественного характера царской власти связывалась здесь с довольно-таки императивными пожеланиями царю, весьма далекими от практики «российского самодержавства»: «Существом убо телесным равен человеком царь есть, властью же достоинства приличен богу, иже над всеми, не имат бо на земли себе высочайшаго. Подобаает убо ему яко и смертну не возноситься, и яко богу не гневаться. Аще бо и образом божиим почтеса, но перстью земною смешен есть, ею ж научается равности, иже ко всем» (л. 358).

Поучение Агапита наполнено мыслями о том, что царь должен быть милостивым, справедливым, должен судить нелицеприятно даже своих врагов, должен слушать благоразумных советников, а не льстецов.

Повторяем: мы не считаем предложенное прочтение глав Сибирского сборника единственно возможным; каждый литературный памятник может знать много прочтений, а сборник таких памятников — тем паче. Но нам кажется, что единая смысловая линия, проходящая через целый ряд основных глав сборника, вырисовывается все же довольно ясно. Она подготавливает читателя к восприятию остроконфликтных материалов 39-й главы. Интерес к этим материалам в конце XVI в. несомненно не случаен.

Судьба Максима, особенно в сопоставлении со все более высокими оценками его сочинений, будила особые эмоции во времена конца «самодержавства» Ивана IV и Ионы Думина. Острые политические коллизии, столь драматично изменившие в 1525—1531 гг. судьбу беспокойного Святогорца, привлекали к нему далеко не беспристрастное внимание и тогда, когда все тяжелее ощущались последствия краха политики грозного царя и над страной уже нависла тень будущей Смуты.²⁰ Ее приближение ознаменовалось, в частности, начавшимся под влиянием этого краха пересмотром некоторых идеологических установок недавнего прошлого.

Так, накануне Смуты начинает впервые ощущаться необходимость изменений в тех двух политико-догматических сферах, проблемы коих выйдут на первый план во время церковной реформы середины XVII в. Это вопросы о соотношении русского и вселенского православия, духовной и светской власти.

Восточные славяне, оказавшиеся за пределами Московского государства под иноверной католической властью, переживают в XVI в. важный период подъема национальной и социальной борьбы, которая с конца этого века породит целый поток острых антикатолических сочинений. Борьба эта будет находить горячий отклик в Москве, а полемические украинские труды в защиту православия начнут постепенно все шире распространяться по Руси. Но, с точки зрения официальной идеологии времен Василия III и Ивана IV, после падения Константинополя право-

¹⁹ Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, с. 38; Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, с. 475—478.

²⁰ Впрочем, это же можно сказать и о других переломных этапах в истории нашей страны. Как известно, Максим неосторожно допустил ряд крайне скептических и враждебных высказываний о Фортуне, богине судьбы, и случилось так, что не только его личная судьба, но и история ученых споров вокруг его жизни и его творений были наполнены самыми поразительными примерами крутых переломов, острых столкновений, роковых случайностей, необоснованных суждений о нем, а то и прямых подлогов. О спорах, развернувшихся во второй половине XVII в. вокруг имени Максима Грека, см.: А. Т. Ша ш к о в. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—начале XVIII в. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 80—87.

славие за пределами русских государственных границ является сомнительным и ненадежным. В частности, окатоличившимся, «пестрым» поклонники горделивых теорий инока Филофея будут находить православие и украинцев, и белорусов, и греков. Мы помним, что несколько раз та же тема вставала и на соборах 1525—1531 гг. — и в связи с правомочностью исправления русских книг по греческим, и в связи с вопросом о поставлении русских митрополитов в Москве. Митрополит Даниил так сформулировал позицию Максима в этом последнем вопросе: «И се убо глагола высокоумие и гордость, еже не ходити в бесерменскую Турецкую державу от патриархов ставитися от невернаго и безбожнаго царствия в митрополиты». Теория Москвы — третьего Рима — закономерно используется против Максима Грека, и столь же закономерна его полемика позднее с этой теорией.²¹ Но тем понятнее интерес к Максиму на рубеже XVI и XVII вв., когда начинается ощущаться стеснительность этой теории для московских политических и церковных интересов, когда освободительная борьба Украины и идеологические документы этой борьбы будут встречать в Москве все большее сочувствие и поддержку.²² Несомненно влияние идей Максима Грека на творчество Ивана Вишенского — одного из самых замечательных украинских публицистов, возглавившего эту полемику.²³ Это же относится и к активной антикатолической деятельности даже столь ненавистой для Ивана IV фигуры, как князь А. М. Курбский.

В XVII в. Россия для того, чтобы выполнить важнейшую свою миссию этого столетия — помочь национально-освободительной борьбе украинцев и белорусов, должна была менять отношение к милым сердцу Ивана IV политическим концепциям старца Филофея. Начинался важнейший этап активного воздействия украинско-белорусской культуры на культуру великорусскую. И не случайно кульминация всех этих споров о соотношении русского и вселенского православия, о допустимости исправления русских церковных книг, об украинско-белорусском православии во второй половине XVII в. ознаменуется и новой острой дискуссией о Максими Греке.

Вполне понятен и интерес деятелей конца XVI — начала XVII в. к взглядам Максима Грека на взаимоотношения светских и духовных властей. Учреждение в 1589 г. патриаршества на Руси завершило наилучшим способом старый спор Максима и его судей и в то же время способствовало укреплению авторитета высшей церковной власти. Тем неуместнее был обычай Ивана Грозного решать сложные проблемы отношения с церковными иерархами в прямом смысле слова руками Малюты Скуратова. В этой связи становится понятным интерес к личности митрополита Филиппа. Как ни стремится первая (колычевская) редакция жития Филиппа старательно обойти все острые политические углы, это начало того пути, в конце которого будет перенесение Никоном мощей святого мученика в Москву и унижительная церемония покаяния Алексея Михайловича в этом преступлении Ивана Грозного. Осуждение собором, послушным воле Василия III, мудрого Святогорца могло восприниматься читателями конца XVI в. как прелюдия к трагедии Филиппа Колычева и Германа Полева.

²¹ Судные списки. . . , с. 121; Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III, с. 156—157.

²² См.: К. В. Харламович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. I. Казань, 1914, с. 95—100; Я. Д. Исаевич. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. Київ, 1966.

²³ См.: И. П. Еремин. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность. — В кн.: Иван Вишенский, Сочинения. М.—Л., 1955; Ф. Я. Шолом. Иван Вишенский и Максим Грек. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей. М., 1958, т. III, с. 294—315.

Таким образом, тенденциозность Судного списка, тенденциозность суда над Максимом составитель Сибирского сборника использует для осуждения самих судей. Конечно, это осуждение скрытое при всей его резкости. Вряд ли иное было возможно тогда для видного церковного иерарха, лица официального, каковым является архиепископ Иона Думин, почитатель Максима Грека.²⁴

В думинском собрании сочинений Максима Грека мы видим тот же, что и в Сибирском сборнике, прием: отношение составителя сборника к трагической судьбе Максима Грека выражено не словами, а самим составом сборника. Правда, осуждение процессов 1525—1531 гг. в думинском собрании сочинений Максима Грека гораздо более прямое и открытое, чем в Сибирском сборнике: между двумя частями собрания Иона помещает грамоты патриархов Дионисия и Иоакима 1545—1546 гг. в защиту Максима, содержащие крайне резкие характеристики осуждения Святогорца.²⁵

* * *

Несомненная тенденциозность судилища над Максимом, подчеркнутая к тому же враждебной Максиму позицией составителя Судного списка, неоднократно отмечалась нами при издании этого памятника. Это, однако, побудило А. И. Иванова сделать источниковедческие оценки Судного списка, принципиально расходящиеся с нашими, хотя автор этих оценок и утверждает, что он опирается на наше мнение, а также на мнение Н. А. Казаковой: «После обстоятельного изучения и исчерпывающей оценки сохранившихся судных списков. . . Н. Н. Покровским и, особенно, Н. А. Казаковой едва ли необходима и даже возможна какая-либо дискуссия относительно научного значения этих памятников как исторических источников. . . Вполне понятно, что на основании такого рода материалов строить какие-либо категорические суждения или выводы о взглядах и поступках Максима Грека невозможно».²⁶ Делать категорические суждения по одному лишь источнику никогда нельзя, но А. И. Иванов глубоко неправ (и напрасно ссылается здесь на наше мнение),²⁷ когда объявляет тенденциозность Судного списка вполне достаточным основанием для того, чтобы вообще отрицать его научное значение, какую-либо ценность сообщаемых им фактов и отвергать любое неугодное ему показание памятника.²⁸

Мы стремились вскрывать и всячески подчеркивать тенденциозность Судного списка для того, чтобы сделать возможным его правильное ис-

²⁴ В последнее время Б. Н. Флоря и Н. В. Силицына привели важные сведения об исключительном интересе Ионы Думина к творчеству Максима Грека; Б. Н. Флоря называет 8 думинских рукописей, составленных из сочинений и переводов Максима Грека. Н. В. Силицына добавляет к этому списку еще три. (Б. Н. Флоря. О реконструкции состава древнерусских библиотек. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 57—59; Н. В. С и л и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 48, 264—265). Издавая Судный список Максима Грека, мы указали еще одну такую рукопись: Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея с вкладной Ионы (ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 4). Этот вопрос исследуется и в указанном выше труде Хью Олмстеда.

²⁵ См.: Н. В. С и л и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 48—49.

²⁶ А. И. И в а н о в. Несколько замечаний. . . , с. 241.

²⁷ На мнение Н. А. Казаковой также: и в своей монографии, и в своих статьях исследовательница, проанализировав тенденциозность Судного списка, широко и умело использует его, несколько раз специально подчеркивая особую важность списка и всего комплекса 39-й главы Сибирского сборника как ценного источника по истории бурных идеологических схваток XVI в.

²⁸ Сам А. И. Иванов, понятно, не может удержаться последовательно на этой позиции и в указанной статье несколько раз использует нужный ему материал 39-й главы Сибирского сборника.

пользование в качестве исторического источника, а отнюдь не для того, чтобы обосновать отказ от такого использования. Так, например, говоря о политических обвинениях, предъявленных Максиму, мы подчеркивали, что двойная тенденциозность — самих судей и составителей Судного списка — подчас приводит к таким противоречиям, которые облегчают исследователю нахождение истины;²⁹ в то же время источник явно позволяет выделить несколько пунктов, где обвинение не было целиком клеветническим.³⁰

Нетенденциозных источников по средневековой истории вообще нет. Даже писцовые книги по-своему тенденциозны, а к источникам по политической истории XVI в. это относится в первую очередь. Сам характер и направление такой тенденциозности — важный исторический факт, подлежащий обязательному изучению.

Все эти элементарные источниковедческие истины, конечно же, не могли остаться неизвестными А. И. Иванову. Остро критикуя в своих довоенных трудах с позиций бескомпромиссного воинствующего материализма тенденциозность византийской православной литературы, творений отцов церкви, он не отказывается от широкого их использования в качестве исторических источников. Почему им делается исключение для Судных списков — непонятно.

Отбросив как тенденциозные сведения Судных списков о суде над Максимом (с присоединенными к ним подлинными письмами об этом суде Василия III и митрополитов Даниила, Макария, Иоасафа), «Выписи о втором браке Василия III», «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского, А. И. Иванов строит концепцию, согласно которой были абсолютно ложными и беспочвенными все называвшиеся в источниках и исторической литературе причины осуждения Максима Грека, все выдвинутые против него обвинения, за исключением одного (действительно важнейшего): нестяжательских взглядов. Вместо одного из самых ярких, беспокойных и многоплановых характеров русского XVI в. старательно выписывается иконописный образ преподобного старца.

С этих позиций А. И. Иванов пытается пересмотреть, в частности, два положения, которые в богатой острой дискуссией историографии вопроса можно было считать менее спорными: о влиянии на осуждение Максима его взглядов относительно неканоничности поставления русских митрополитов в Москве и второго брака Василия III (по второму вопросу недавно возникла полемика между А. А. Зиминым и Н. А. Казаковой).

Мы подчеркивали уже, что убеждение в неканоничности самостоятельного поставления русских митрополитов, в сохранении и после турецкого завоевания Византии вселенской миссии греческой церкви было у Максима Грека искренним и глубоким. Если в 1525 г. он безуспешно пытался скрыть эти свои взгляды, хорошо понимая, какое опасное оружие дает он своим судьям, то на суде 1531 г., где этот вопрос ставился дважды, Максим держится откровенно, смело, не думая что-то здесь скрывать или каяться. Между тем эта его точка зрения, несмотря на каноническую правоту Максима, противоречила логике национального развития страны и не могла вызвать сочувствия. Даниил поэтому настойчиво возвращается к данному вопросу, снова используя его для дискредитации Максима, когда на суде рушатся фальсифицированные обвинения в измене.³¹

²⁹ См.: Н. Н. Покровский. Сибирская находка (новое о Максиме Греке), с. 128—138.

³⁰ См.: Судные списки. . . , с. 58—59, 68—70 и др.

³¹ См.: Там же, с. 58—59, 71.

Об осуждении Максимом порядка поставления русских митрополитов говорится не только в Судных списках, но и в письме митрополита Даниила в Иосифо-Волоколамский монастырь от 24 мая 1525 г., где называются два главных обвинения, выдвинутых в 1525 г. против Максима; обсуждение этого вопроса на суде упоминает и митрополит Макарий в грамоте бывшему митрополиту Иоасафу от 9 ноября 1548 г.³² Согласно отрывку следственного дела 1525 г. вопрос этот как-то поднимался и на светском следствии 1525 г. — в связи с разговорами Максима с Берсеном Беклемишевым о том, что турецкие власти не вмешиваются в дела церкви.³³ Наконец, в данном случае возможна та проверка сведений Судных списков сочинениями Максима Грека, о желательности которой справедливо говорят исследователи, включая А. И. Иванова. Эта проверка вполне подтверждает сведения Судных списков: после суда Максим Грек написал два сочинения, специально посвященные обоснованию того, что турецкое завоевание не могло нарушить святости греческой церкви и что поэтому его взгляды на незаконность поставления русских митрополитов в Москве справедливы.³⁴

А. И. Иванов полемизирует с Н. А. Казаковой и «всеми предшествующими исследователями», которые видели (вполне справедливо, на наш взгляд) в этих сочинениях Максима одно из доказательств того, что обвинение в осуждении порядка поставления русских митрополитов предъявлялось Максиму на судах 1525 и 1531 гг. и предъявлялось обоснованно. А. И. Иванов считает, что эти сочинения отнюдь не свидетельствуют о возражениях Максима против самостоятельного поставления русских первосвященников, ибо посвящены доказательству лишь той излюбленной мысли афонца, что греческая церковь и под властью турок сохранила свою святость и потому роль центра православия. Он подчеркивает, что все эти рассуждения Максима Грека носили «чисто теоретический характер».

Но это далеко не так: тезис о нарушении святости греческой церкви, о падении православия второго Рима был главным звеном в становящейся все более официозной теории Москвы — третьего Рима, главным оправданием отказа русской церкви поставлять своих митрополитов в Константинополе. Вполне естественная связь вопроса о святости греческой церкви под турецким владычеством с проблемой поставления русских митрополитов подчеркнута не только в приведенной нами выше формулировке из письма Даниила от 24 мая 1525 г., но и в самом заглавии сочинения Максима Грека: «Сказание ко отрицающимся на поставления и кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не примати поставления на митрополию и на владычество от римскаго папы латынския веры и от цареградскаго патриарха, аки во области безбожных турок поганого царя, и поставленнаго от них не примати». Н. А. Казакова справедливо видит в этом тексте важный аргумент в пользу своего мнения о том, что митрополит и великий князь обоснованно обвиняли здесь Максима.³⁵

Возражая ей (а следовательно, и нам), А. И. Иванов предлагает различать поставление русских митрополитов в смысле реального выбора и утверждения кандидатов и в смысле торжественной церемонии интронизации. Он считает, что первое Максим Грек предлагал оставить за Москвой, а второе — за Константинополем. Но это построение невозможно научно аргументировать.

³² Там же, с. 121, 129.

³³ ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 172, с. 141.

³⁴ См.: Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III, с. 154—164.

³⁵ См.: Н. А. Казакова. Очерки по истории. . ., с. 199.

Если бы Максим Грек думал так, как полагает А. И. Иванов, он имел бы великолепную возможность оправдаться на суде, а не настаивать на своих возражениях, столь опасных для него. Если тенденциозный Судный список скрыл это от нас и приписал Максиму линию поведения на суде, расходящуюся с действительной, могли как-то проговориться другие источники, названные нами выше. Если (как считает А. И. Иванов) все эти источники тенденциозные, искажают факты удивительно согласованно и не должны нами приниматься во внимание, то остается все же вполне авторитетный для нашего оппонента источник: «Сочинения преподобного Максима Грека», ч. I—III. Ни в одном из произведений преподобного нет и намека на сложную конструкцию А. И. Иванова, а между тем он имел время и возможность, чтобы подробно развить и аргументировать в написанных после 1531 г. сочинениях свои взгляды, как он это сделал по ряду других поднятых на суде проблем.

А. И. Иванов признает, что предложенное им разделение проблемы поставления на избрание и интронизацию не было известно в практике и теории русско-византийских церковных отношений до 1448 г., когда и тем и другим правом пользовались константинопольские патриархи. (После 1448 г. такого разделения, как известно, также не было). Максим Грек подчеркивал, что в этом вопросе он стоит за соблюдение не только канонического права, но и исторической традиции: «как прежде из старины бывало».³⁶ На какую же русско-византийскую традицию мог опереться Максим Грек, если бы он действительно придерживался рекомендаций для решения этой трудной проблемы, данных А. И. Ивановым?

О попытках независимого от Византии поставления высших иерархов русской церкви собором местных епископов не раз сообщается на страницах летописи (Иларион, Климент Смолятич, Федорец, Митяй), причем говорится и о возникающих в этой связи спорах, иногда приводятся юридические аргументы сторон, но ни разу мы не встречаем канонического обоснования выдвинутой А. И. Ивановым идеи.³⁷ Как известно, окончательное решение 1589 г. также было иным.

В то же время А. И. Иванов абсолютно прав, когда подчеркивает, что позиция Максима в этом вопросе была связана с его неодобрением «крайне оскорбительного отношения русских церковных кругов к константинопольскому патриарху», которое выразилось и в формуле клятвы при поставлении русских митрополитов, приравнивавшей царьградского патриарха по нечестивости к римскому папе.³⁸

Это связано и с общими взглядами Максима Грека на необходимость возрождения былой славы греческого православия, с его любовным преклонением перед греческой культурой и в связи с этим с неприятием им теории Москвы — третьего Рима, о чем говорилось выше. И если вспомнить уже отмеченную необходимость для Руси с конца XVI—начала XVII в. как-то решать ликвидированный окончательно лишь в середине XVII в. конфликт между этой теорией и важными государственными интересами Москвы и всего восточного славянства, то будет ясно, что в широкой перспективе и эти взгляды Максима на греческое православие оказались более нужными для России, чем аргументы его судей — иосифлян. Недаром в острой полемике 2-й половины XVII в. страстный защитник общеславянского единства, церковной реформы и исправления

³⁶ Судные списки. . . , с. 119.

³⁷ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 39, 40, 196—199, 377 и др.

³⁸ А. И. Иванов. Несколько замечаний. . . , с. 296.

русских книг по греческим Юрий Крижанич будет опираться на авторитет Максима Грека.³⁹

Вторая проблема, рассматриваемая А. И. Ивановым, это вопрос о том, имело ли тайное отношение к осуждению Максима Грека неодобрение им развода и второго брака Василия III. Н. А. Казакова считает недоказанным ни наличие такого неодобрения, ни его влияние на осуждение Максима. Многие другие исследователи, включая М. Н. Тихомирова, С. О. Шмидта и А. А. Зими́на, настаивали на подобной причинной связи. А. И. Иванов отрицает ее, полемизируя при этом лишь с одним А. А. Зими́ным.⁴⁰

Мнение о причастности Максима Грека к шумному спору вокруг развода Василия III основывается в первую очередь на показаниях двух источников: «Выписи о втором браке Василия III» и «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского. А. А. Зимин, считающий «Выпись» крайне ненадежным источником начала XVII в.,⁴¹ в этом вопросе склонен ей верить, подчеркивая ее «вполне доброкачественные источники».⁴²

На наш взгляд, современное состояние источниковой базы в этом вопросе делает наиболее оправданным осторожный вывод Н. В. Синицыной, признающей вероятность того, что Максим Грек оказался замешан в споры о разводе, но делающей существенные оговорки о возможной его политической позиции: «Если признать, что одной из причин гнева великого князя было отрицательное отношение Максима к разводу (это кажется нам достаточно вероятным),⁴³ то о политическом аспекте позиции Максима Грека можно судить лишь гипотетично. Если исходить из достоверности свидетельства Выписи, то следует говорить не о „Максиме и его окружении“ (А. А. Зимин), а о Вассиане и его окружении. В вопросе о наследовании престола позиция Максима, греческого монаха, стремившегося к возвращению на Афон, не тождественна позиции его русского окружения, она значительно более нейтральна. Придерживаясь канонической точки зрения на нерасторжимость брака, ученый афонский монах оказался в 1525 г. жертвой династической борьбы и „поклепа небратолюбцев“».

Отрицая саму возможность возражений Максима Грека против развода Василия III, А. И. Иванов не только ссылается на тенденциозность всех говорящих об этом источников, но и выдвигает совершенно новый

³⁹ Этот последний вопрос, однако, более сложен и увлекателен. См.: А. Т. Шаповалов. Юрий Крижанич и Максим Грек. — В кн.: Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980.

⁴⁰ См.: М. Н. Тихомиров. К вопросу о Выписи о втором браке царя Василия III. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. М., 1928, с. 91—98; Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — Византийский временник, т. XXVIII. М., 1968, с. 109—126; т. XXIX. М., 1969, с. 108—134; А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 243.

⁴¹ Впрочем, датируя «Выпись» началом XVII в., А. А. Зимин подчеркивает: «Этот памятник сложился, очевидно, в одно время с публицистической обработкой судебных материалов о Максиме Греке». Между тем наша датировка этой обработки временем не позднее ноября 1548 г. (основанная, как нам кажется, на прочной документальной основе — на письме митрополита Макария от 8 ноября 1548 г.) не была оспорена ни одним из исследователей. А. А. Зимин, делающий справедливое наблюдение об определенной связи между обоими памятниками, аргументирующий это наблюдение точно так же, как это сделал С. О. Шмидт в предисловии к нашему изданию, не предпринимает при этом попытки оспорить нашу датировку Судных списков. См.: А. А. Зимин. Выпись о втором браке Василия III. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 135; Судные списки. . . , с. 7, 35—39.

⁴² А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени, с. 277.

⁴³ Исследовательница приводит новый аргумент в пользу этой точки зрения (Н. В. Синицына. Максим Грек в России, с. 145).

аргумент, вообще отвергая наличие канонических оснований для таких возражений. Ссылку на них делали многие исследователи, хотя А. И. Иванов и здесь полемизирует лишь с А. А. Зиминим.

Однако суждения А. И. Иванова о каноническом праве XVI в., русском и византийском, на деле оказываются недостаточно обоснованными.

Утверждая, что православная церковь вообще никогда не протестовала против развода и второго брака в случае бесплодия, А. И. Иванов ссылается лишь на две церковные работы 2-й половины XIX в., носящие более практический, чем последовательно исторический характер, и умалчивает при этом о наличии в XIX в. гораздо более обильной церковной историографии, трактующей этот вопрос прямо противоположным образом. Напомним, что вплоть до буржуазных реформ 60-х годов XIX в. в Синоде безраздельно господствовала тенденция сурового запрета развода и ее сторонники (включая самого обер-прокурора Голицына) легко находили обоснования своей позиции в истории канонического права. Поэтому статьи о разводе оказались вообще исключенными из свода Законов 1835 и 1842 гг.; они вошли туда лишь во 2-й половине XIX в. в связи с общим ослаблением средневековых пережитков после смерти Николая I.

На деле вопрос о канонической допустимости и основаниях развода был очень сложным и в многовековой истории церкви решался по-разному.⁴⁴

Можно сказать, что в целом в церковной идеологии средневековой Руси было распространено суровое отношение к разводу и второбрачию, базировавшееся на общехристианском представлении о браке как земном образе союза Христа с церковью⁴⁵ и на авторитетных евангельских словах самого Христа: «Еже Бог сочета, человек да не разлучает», «Всяк отпущая жену свою разве словесе прелюбодейна, творит ю прелюбодействовати, и иже пущеницу поимет — прелюбодействует».⁴⁶ А Василий Великий в 9-м правиле придерживался еще более суровых взглядов, отрицая даже неверность как повод к разводу и считая, что таких поводов нет вообще.⁴⁷

Великому князю Василию III приходилось преодолевать канонические запрещения как развода, так и второго брака. Полное запрещение второбрачия содержалось в соборных правилах, включенных в русскую Кормчую, — в 7-м правиле Неокесарийского собора (в толкованиях на него такого признанного на Руси авторитета, как Федор Студит),⁴⁸ в весьма категорическом 102-м (115) правиле Карфагенского собора: «Постановлено, да по евангельскому и апостольскому учению ни оставленный женой, ни отпущенная мужем не сочетаваются с другим лицом, но или тако да пребывают, или да примирятся между собою».⁴⁹

Конечно, мы никоим образом не утверждаем, что страны православного церковного права вообще не знали развода и второбрачия; мы говорим лишь, что к этому были серьезные канонические препятствия, которые, понятно, действовали в разное время с разной силой.

Возвращаясь к делу о разводе и втором браке Василия III, мы не можем пренебречь подробным рассказом Выписи о втором браке относительно канонических возражений (целого ряда церковных иерархов на-

⁴⁴ А. Павлов. 50-я глава кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. СПб., 1885; Н. Заозерский. Государство и церковь в деле законодательства о поводах к разводу. СПб., 1913.

⁴⁵ I Тим., III, 16.

⁴⁶ Матф., XIX, 6; V, 32; XIX, 9.

⁴⁷ Н. Заозерский. Государство и церковь..., с. 7; Кормчая. М., 1652. л. 228 об.—229 об.

⁴⁸ Кормчая, л. 54; PG, v. 99, p. 1581.

⁴⁹ Кормчая, л. 158 об.

мерению великого князя: иерархи несколько раз подчеркивают, что желание государя противно «правилу святых отец». А Вассиан прямо сослался на соборные постановления «святых отец», в том числе на упомянутое выше правило Карфагенского собора, а также правило Трулльского собора; он же в обоснование этих правил изложил великому князю оба евангельские изречения Христа, цитированные нами выше.⁵⁰ Каким бы тенденциозным ни был этот источник, он не мог придумать все эти канонические возражения, если бы они не принимались тогда во внимание церковным правом и общим мнением: основывать весь рассказ на несуществующих юридических нормах автор Выписи не мог, независимо от того, писал ли он в 1540-х гг. или в начале XVII в. Это же относится и к рассказу А. М. Курбского.⁵¹

Очень характерно, что те же самые канонические возражения против развода и второго брака Василия III (со ссылкой на апостольские заветы) приводит и Псковский летописец; А. А. Зимин справедливо обращает внимание на аргументы этого летописца, явно осуждающего великого князя.⁵²

Таким образом, традиционное мнение историков (в том числе церковных) о существовании канонических препятствий к разводу и второму браку Василия III представляется нам справедливым, а противоположная точка зрения А. И. Иванова — основанной на недостаточном знании истории канонического права.

Исходной позицией взглядов А. И. Иванова на осуждение Максима Грека является твердая уверенность в том, что это дело рук одного лишь митрополита Даниила, «лютая ненависть» которого к Максиму объяснялась нестяжательскими взглядами последнего и отказом перевести для Даниила «Церковную историю» Феодорита. Иных причин постигших Максима несчастий А. И. Иванов не признает и поиски таких причин считает оскорбительным для памяти Максима доверием к клевете его тюремщиков.⁵³

Нам представляется, что источники не подтверждают заявление А. И. Иванова о «пассивной роли» великого князя в осуждении Максима Грека. Сообщение Судных списков об участии великого князя в соборном осуждении Максима Грека в 1525 и 1531 гг., как и вводящая формулу приговора фраза «И тако со всем священным собором и с великим князем Василием осудише Максима и Саву архимандрита»,⁵⁴ не являются только протокольными, но отражают суть дела. О том же свидетельствует и запись летописца Боровского монастыря под 1525 г.: «Того ж лета князь великий Василей Иванович всеа Русии довел на Спаского архимандрита на Саву на Грека, да на Максима на философа измену. . . А Данил митрополит всеа Русии с священным собором довел на них ересь».⁵⁵ Давно уже введен в научный оборот отрывок следственного дела 1525 г., который при всей своей фрагментарности и противоречивости свидетельствует о большой заинтересованности великого князя в этом следствии.⁵⁶ Н. В. Сеницына справедливо считает, что Сибирский сборник укрепляет доверие к известию одного из опубликованных С. А. Белокуровым Житий

⁵⁰ А. А. З и м и н. Выпись о втором браке. . . , с. 142, 144, 146.

⁵¹ А. М. К у р б с к и й. История о великом князе Московском. — РИБ, т. XXX. СПб., 1914, с. 162—163.

⁵² См.: Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955, с. 227; А. А. З и м и н. Россия на пороге нового времени, с. 297.

⁵³ А. И. И в а н о в. Несколько замечаний. . . , с. 286—287, 290—291.

⁵⁴ Судные списки. . . , с. 90, 96—97, 120.

⁵⁵ М. Н. Т и х о м и р о в. Новый памятник московской политической литературы XVI в. — В кн.: Московский край в его прошлом, ч. 2. М., 1930, с. 112.

⁵⁶ ААЭ, т. I, № 172, с. 141—145.

Максима Грека, согласно которому Иван IV спрашивал у Даниила о Максиме: «За какую вину отец мой на него возъярися и в темницу заключи твердо?»⁵⁷ Мы не говорим уже, что ту же самую оценку роли Василия III в деле Максима дают митрополит Макарий, А. М. Курбский и «Выпись о втором браке».

Нам кажется, что рассмотренные выше недочеты концепции А. И. Иванова о причинах осуждения Максима Грека вытекают из одной, по-своему логичной, доминанты всех его трудов на эту тему: представить облик великого ученого, философа, богослова предельно приближенным к иконописному. Дать реальный, живой портрет Святогорца с этих позиций так же трудно, как и с противоположных, когда он объявляется турецким шпионом (И. И. Смирнов, И. Б. Греков), либо даже «предателем» (А. А. Зимин).⁵⁸

* * *

В богатой сложными проблемами полемике о причинах осуждения Максима Грека есть одно ответвление, которое нам не кажется особенно существенным, но которое тем не менее вызвало и продолжает вызывать споры. Это вопрос о том, когда ему были предъявлены основные обвинения в нестяжательстве — в 1525 или в 1531 г. Издавая в 1971 г. 39-ю главу Сибирского сборника, мы попытались аргументировать положение о том, что обвинение в нестяжательстве в 1525 г. «вряд ли было сделано. . . в сколько-нибудь развернутом и опасном для обвиняемого виде, если вообще было выдвинуто тогда». При этом мы сочли необходимым сразу же подчеркнуть, что «нестяжательские взгляды. . . и тогда были одной из главных причин ненависти к нему иосифлянкой церковной верхушки».⁵⁹ Однако в 1525 г., когда еще в такой силе был Вассиан Патрикеев, вряд ли возможно было организовать сколько-нибудь значительное судебное осуждение этих взглядов — ведь даже в 1531 г., как только собор перешел к рассмотрению этой части обвинений, Максим Грек сразу же попытался прикрыться именем Вассиана. Мы напомним также яркие свидетельства Михаила Медоварцева о том, каким огромным влиянием продолжал пользоваться Вассиан и после 1525 г. Одним из главных наших аргументов явились новые материалы Сибирского сборника: тот факт, что митрополит Даниил, перечисляя в письме от 24 мая 1525 г. главные обвинения, выдвинутые против Максима, о его нестяжательстве не упомянул.

Эти наши аргументы и выводы из них были поддержаны Н. В. Синицной и Б. М. Клоссом. А. А. Зимин неоднократно выступал в пользу той точки зрения, что проблемы нестяжательства на соборе 1525 г. не сто-

⁵⁷ Н. В. С и н и ц н а. Максим Грек в России, с. 151—152.

⁵⁸ А. А. З и м и н. Россия на пороге нового времени, с. 279. Эта выразительная характеристика дана А. А. Зиминим на основании откровенных показаний, сделанных Максимом на светском следствии 1525 г. о своих разговорах с Берсеном Беклемышевым. Дошедший в двух редакциях отрывок части этого следственного дела подвергнут доскональному анализу Н. В. Синицной, которая пришла ко вполне обоснованному, на наш взгляд, заключению о том, что фрагментарность источника и ряд других обстоятельств не дают возможности для доказательства столь тяжкого обвинения. Показания Максима были опасны не только для Берсея, но и для него самого. Взаимными обвинениями обменялись на следствии Берсень и Федор Жареный. Уцелевшая часть источника сообщает также о показаниях Берсея против Максима, и, главное, мы не знаем, как развертывалось следствие, не описанное в этой части источника, особенно в самом начале, когда следователи хотели использовать других подсудимых, чтобы оклеветать Максима (Н. В. С и н и ц н а. Максим Грек в России, с. 131—139).

⁵⁹ Судные списки. . . , с. 51—52.

яли, считая вместе с тем, что они не могли быть и подспудной причиной его первого осуждения.⁶⁰

Н. А. Казакова оспорила наш вывод, считая, что нестяжательские «вины» Максима Грека стояли в центре внимания собора 1525 г. и в 1531 г. рассматривались уже вторично.⁶¹

Это одно из немногих наших расхождений с умелой исследовательницей Судного списка Максима Грека, которая еще на основе тщательного анализа неполной Погодинской рукописи «судного списка» подробно аргументировала неосновательность главных политических обвинений, выдвинутых против Максима; находка Сибирского сборника подтвердила справедливость основных принципиальных положений, отстаиваемых Н. А. Казаковой.⁶²

Один из главных аргументов Н. А. Казаковой в пользу утверждения об обсуждении основных обвинений в нестяжательстве на соборе 1525 г. извлекается ею из текста Судных списков, что заставляет нас вернуться к этому вопросу.

Речь идет о том разделе источника, который со времени исследования С. Н. Чернова называют «передопрос Досифея»: ⁶³ в ходе собора 1531 г. Даниил поручил крутицкому владыке Досифею провести вторичный допрос по тем пунктам обвинения, которые уже рассматривались на соборе 1525 г. Все нестяжательские вопросы находятся именно в этой части Судного списка 1531 г.

На первый взгляд кажется, что это — абсолютное доказательство нашей неправоты в этом вопросе, но ближайшее рассмотрение делает этот аргумент очень шатким вследствие внутренней противоречивости, нелогичности структуры источника именно в связи с разделением обвинений между 1525 и 1531 гг. Издавая Судные списки, мы отмечали: «Материалы, относящиеся к обоим соборам, перепутаны так сильно, что о разделении обвинений между 1525 и 1531 гг. среди историков идет долгий и довольно безуспешный спор»; ⁶⁴ мы привели ряд доказательств этого положения, которые были приняты исследователями. Всю эту противоречивую путаницу еще по неполному Погодинскому списку источника подробно проследил С. Н. Чернов, а Сибирский список настолько усилил впечатление смешения, слияния в одном тексте событий, происходивших на обоих соборах, что мы даже выдвинули гипотезу (разделяемую Н. В. Синицной) об отсутствии у составителя нашего источника каких-либо подлинных материалов собора 1525 г. за исключением писем Даниила и Василия III. Напомним, что даже приговор для обоих соборов приводится единый, противоречиво составленный из частей приговоров как 1525, так и 1531 гг.

Непосредственно в связи с «передопросом Досифея» можно отметить, во-первых, что границы этого раздела памятника невозможно установить сколько-нибудь четко и, во-вторых, что в него входят несколько судебных споров, прозвучавших в 1531 г. впервые.

В начале собора 1531 г. митрополит Даниил сам ведет допрос Максима и свидетелей в связи с обвинениями в хуле на Богородицу в переведенном

⁶⁰ См.: Н. В. С и н и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 141, 144; Б. М. К л о с с. Никоновская летопись и Максим Грек, с. 126; А. А. З я м и н. Россия на пороге нового времени, с. 291—292.

⁶¹ Н. А. К а з а к о в а. 1) Очерки по истории. . . , с. 194—196, 235—239; 2) Реч. на кн.: Судные списки Максима Грека и Исака Собака, с. 176—179.

⁶² Судные списки. . . , с. 58.

⁶³ См.: С. Н. Ч е р н о в. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 62—70.

⁶⁴ Судные списки. . . , с. 47.

Максимом Житии Богородицы Симеона Метафраста и в связи с исправлением Максимом русских богослужебных книг по греческим. Затем митрополит поручает Досифею вести допрос по обвинениям, о которых уже шла речь в 1525 г., и с этого момента каждый новый вопрос к Максиму и свидетелям вводится формулой «И владыка Дософей спросил. . .» (л. 335 об.). Но столь приятная четкость продолжается недолго. Как раз в ходе прения о нестяжательских взглядах Максима рядом с ней появляется и безличная формула «И в том соборе спросили Максима. . .» (л. 339), затем подобные начальные формулы, не дающие возможности определить, кто именно ведет заседание, постепенно и непоследовательно начнут вытеснять формулу с именем Досифея. Последний раз Досифей будет назван ведущим допрос на л. 339 об., а все остальное пространное разбирательство (как раз по наиболее острым, политическим, обвинениям, л. 340—343) передано в источнике так, что совершенно невозможно понять, входит ли оно в «передопрос Досифея» или соборное следствие опять ведет сам Даниил. В какой-то форме (неизвестно — в какой) политические обвинения в 1525 г. несомненно вставали, хотя мы полагаем, что ими занимался не церковный собор, а отдельное светское следствие.⁶⁵

Таким образом, противоречивость и непоследовательность нашего источника не позволяют сколько-нибудь надежно отделить «передопрос Досифея» от остальной части Судного списка 1531 г., что порождает законное сомнение в четкости и справедливости этого разделения даже для тех эпизодов следствия, где источник содержит прямое указание на лицо, ведущее допрос.

В этом отношении особенно интересно, что несколько судебных эпизодов, начинающихся словами «И владыка Дософей спросил. . .», явно разыгрываются на соборе 1531 г. впервые. Это, в частности, те случаи, когда Максим несомненно сначала не догадывается, как и чем суд может аргументировать данное обвинение, и поэтому вынужден менять свою линию защиты в ходе самого разбирательства. Именно так, например, разворачиваются события, когда Максима обвинили, будто он учил, что Христос вознесся на небо лишь своим божеством, «а тело свое на земле оставил». Максим сначала категорически отрицал, что говорил это, но после очной ставки с Михаилом Медоварцевым, Васьяном Рушаниным, Афанасием Греком и Федором Сербиным изменил свою позицию: «В том есми, господине, виноват, что есми ту речь пропаметовал. А то есми им говорил к некой речи, а то, господине, говорят лихие люди неверные, а яз того не мудрствую» (л. 336 об.). Несомненно, что Максим сказал здесь правду: он не был сторонником «нетленномнительной ереси».⁶⁶ Но столь же очевидно, что Максим впервые встретился в 1531 г. с этим «козырем» обвинения, иначе он не допустил бы невыгодной для себя перемены показаний.

Весьма вероятно, что Михаил Медоварцев и Васьян Рушанин вообще впервые фигурируют лишь на процессе 1531 г. — не будем повторять сейчас наши аргументы в пользу этого,⁶⁷ основанные на Судном списке Вассиана Патрикеева и подтверждаемые нашим источником. К тому же Михаил в 1531 г. признавался, что и во время собора 1525 г., и после него он боялся делать какие-либо заявления против Максима и Вассиана: «блюлся старца Васияна о тех вещех изъявити, занеже уморит мя» (л. 334 об.). Это не позволяет относить к 1525 г. все те обвинения, которые основывались в первую очередь на показаниях Михаила. Таких случаев

⁶⁵ См.: Там же, с. 53—54.

⁶⁶ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III, с. 79—92.

⁶⁷ См.: Судные списки. . . , с. 74—75.

кроме упомянутого в «передопросе» еще два (л. 336 об., 337);⁶⁸ то же можно сказать и о тех предъявленных Досифеем в 1531 г. Максиму обвинениях, которые этот последний мог сразу же переадресовать Вассиану. Их тоже два, одно из них — обвинение в нестяжательстве (л. 338 об. — 339, 339 об. — 340); в этом последнем случае сам Досифей адресует обвинение сразу Максиму и Вассиану.

Наконец, во время спора 1531 г. о нестяжательстве Максима Досифей вынуждает его изменить первоначальную уклончивую позицию о землевладении афонских монастырей, доказав ему на соборе, что он привез с Афона Житие Саввы Сербского, где говорится об этом землевладении (л. 339). Здесь также трудно допустить предварительное рассмотрение этого вопроса в 1525 г., так как Максим сначала явно не поддавался о бессмысленности и невыгодности его первых уклончивых ответов.

Конечно, остается возможность, что какие-то из этих обвинений выдвигались и в 1525 г., но совершенно по-иному, без главных аргументов 1531 г. Мы и не заявляли, что иосифлянские руководители собора 1525 г. последовательно исключили тогда из судебной дискуссии любой намек на нестяжательство Максима, мы лишь утверждали (и утверждаем), что эти обвинения не могли быть тогда среди главных, что они вряд ли были «предметом сколько-нибудь заметного разбирательства на соборе 1525 г.»

По причинам, сходным с вышеизложенными, нельзя считать достаточно достоверным основанием для разделения обвинений 1525 и 1531 гг. и вступительную речь митрополита Даниила на соборе 1531 г., на которую ссылается Н. А. Казакова. Вроде бы в первой части своей речи Даниил должен повторить обвинения, выставленные уже в 1525 г., а во второй — «новоприбылые» вины Максима; части эти как раз разделены рассказом о соборных заседаниях 1525 г. в резиденции великого князя и на митрополичьем дворе (л. 329—330). Но именно в первой части мы читаем рассказ о том, что Максим во время заточения в Иосифо-Волоколамском монастыре похвалялся даром всеведения, а это происходило после собора 1525 г. Н. А. Казакова признает здесь прямую ошибку в речи Даниила.⁶⁹

В последних строках этого «обвинительного заключения» говорится, что «соборная юза» была наложена на Максима, чтобы он каялся «о своих еретических хулах, что еси прежде сего много хулил на господа бога, и на пречистую богородицу, и на святых великих отцев и чудотворцев, и на церковныя чины, и уставы, и законы, и на монастыри. . .» и т. д. (л. 330 об.). Н. А. Казакова справедливо связывает «хулу» на святых, монастыри, церковные уставы с нестяжательскими взглядами Максима. Но и здесь нет твердых оснований для точного разделения обвинений 1525 и 1531 гг. Так, о хуле на Богородицу в Судном списке 1531 г. будет затем говориться очень подробно, и окажется, что все обвинения связаны здесь с двумя произведениями: Житием Богородицы Симеона Метафраста и Правилами Вассиана и Максима (т. е. Кормчей), а оба эти произведения на соборе 1525 г. не обсуждались. Наконец, эта же самая формула обвинения «хулы на господа бога, и пречистую богородицу, и на церковные уставы и законы, и на святых чудотворцы, и на монастыри» дважды упоминается непосредственно перед речью Даниила в сообщении о созыве собора 1531 г. (л. 328 об.), но каждый раз речь идет о «прибы-

⁶⁸ В первом из них к тому же Максим существенно меняет свои показания после очной ставки с Михаилом — это вопрос о пропуске слов в одной из евангельских притч.

⁶⁹ Н. А. Казакова. Очерки по истории . . . , с. 231.

лых новейших» «хулах» Максима. Добавим, что вообще все подобные краткие перечисления обвинений на л. 328—330 об. Судного списка 1531 г. делаются в такой форме и находятся в таком контексте, что каждое из них допускает разные толкования.

В итоге всех этих рассуждений мы приходим к исходному — к сделанной нами еще в издании 1971 г. констатации того, что Судный список 1525 г. слишком неполон, а Судный список 1531 г. слишком противоречив в изложении нашего источника, что оба эти рассказа слишком перемешаны, чтобы давать историку надежные основания для разделения обвинений 1525 и 1531 гг. В этих условиях приходится прежде всего принимать во внимание общие соображения о силе и влиянии нестяжателя Вассиана в 1525 г. и свидетельство документального источника — письма митрополита Даниила от 24 мая 1525 г.

* * *

В труднейшие, переломные для него годы (1525—1531) Максим бывал и очень гибким, и непреклонно стойким. Как мы уже отмечали, на суде 1525 г. он ведет себя более осторожно, чем на суде 1531 г. Возможно, прав А. А. Зимин, считавший, что в 1525 г. Максим не осознавал всей тяжести своего положения и еще надеялся на более благоприятный для себя исход следствия. Сибирский список Судного дела 1531 г. и письма митрополита Даниила 1525 г. впервые со всей отчетливостью показали, какой жестокий тюремный режим (без права устного и письменного общения) определили ему в 1525 г. Даниил и Василий III и как мужественно, непокорно вел себя Максим во время первого своего заточения; «он же покаяться и исправления не показываше и неповинна во всем себе глаголяше, и отречена мудрствоваше, и послания писаша» — констатировали в 1531 г. его тюремщики; Даниил обвинял его: «Не каешься, но и еще прилагаешь зло ко злу». ⁷⁰ На суде 1531 г. Максим мужественно и умело защищается против обвинений в измене, даже тенденциозный Судный список не в силах целиком затушевать поражение обвинителей по этим основным пунктам «обвинительного заключения» Даниила.

Во время острой полемики на соборе 1531 г. вокруг нестяжательских взглядов Максима и Вассиана афонец держится с достоинством, отнюдь не отрекаясь от своих убеждений, а однажды даже провозглашает их перед судилищем с удивительной смелостью и прямоотой, откровенно заявив, что он осуждал стяжательскую практику Пафнутия Боровского (которого иосифляне всячески превозносили и 1 мая 1531 г. канонизировали): «Он держал села, и на деньги росты имал, и люди и слуги держал, и судил, и кнутъем бил, ино ему чудотворцем как быти?». ⁷¹ Но Максим отнюдь не стремился использовать собор для пропаганды своих нестяжательских взглядов, был здесь гораздо более сдержан, чем Вассиан, на которого Максим ссылается на суде как на источник своих сведений о Пафнутии. Максим не торопился признаваться на суде ни в чем, кроме того, что судьям было легко доказать.

Что же касается полемики 1531 г. по основным вероучительным вопросам, то Максим ведет себя на суде чрезвычайно осторожно, явно стремясь не выдвигать в ходе своей защиты каких-либо догматических обвинений против своих судей. Даже в тех случаях, когда он был, с церковной точки зрения, абсолютно прав, он часто вместо доказательства этой своей правоты ссылается на возможность описок как в греческих,

⁷⁰ Судные списки. . . , с. 97, 100.

⁷¹ Там же, с. 60, 112.

так и в русских книгах, а то и пытается свалить ответственность за свою совершенно верную книжную правку на переписчиков. Максиму было легко доказать, например, справедливость его исправлений 8-го члена Символа веры (позднее, при Никоне, русская церковь примет их), но он не решается открыто сказать на суде об ошибке в русском тексте главного догматического документа православия и утверждает, что правка была сделана без его ведома. Михаил Медоварцев тут же опровергает его, сообщив, что исправление приказал ему сделать сам Максим в соответствии с греческими книгами.⁷²

Это поведение нельзя объяснить трусостью Максима на суде, желанием уйти от ответственности: уже по вопросу о поставлении русских митрополитов в Москве Максим сказал на соборе 1531 г. такие смелые слова о митрополите и великом князе, что никаких надежд на сколько-нибудь благополучный исход суда у него оставаться не могло.⁷³

Нам представляются заслуживающими внимания два предположения о причинах столь осторожной его защиты от догматических обвинений. Они были высказаны в разное время Н. В. Синицыной и Я. С. Лурье при обсуждении наших докладов. Первая объясняет нежелание Максима ввязываться в спор на суде тем, что в накаленной обстановке тенденциозного судебного разбирательства было нелегко вести дискуссию по самым сложным вероучительным проблемам православия — Максим предпочел это сделать неторопливо и обстоятельно позднее, в большом цикле своих сочинений, написанных по поводу предъявленных ему догматических обвинений. Я. С. Лурье полагает, что Максим намеренно отказывался на суде от такой защиты, которая могла бы нанести хоть какой-то урон догматическому авторитету русской православной церкви, на которую он возлагал свои самые большие надежды, ожидая найти в Москве весомую силу, способную укрепить ортодоксальное православие во всем мире.

На наш взгляд, подобные объяснения не противоречат друг другу. Максим, несомненно, не сумел бы в накаленной враждебной обстановке соборного судилища выполнить ту труднейшую задачу, которую он в конце концов решил всей огромной совокупностью своих сочинений: доказать жестоким и непримиримым тюремщикам свою правоту, сделав это так, чтобы не нанести ущерба догматическому авторитету русской церкви, но способствовать его укреплению. Он хотел, чтобы его немалые знания, опыт, почерпнутый в греческих и итальянских культурных центрах, принесли пользу его новой родине. Это несомненно означало для него и добросовестное выполнение той задачи, ради которой в 1518 г. ему было предложено воспользоваться гостеприимством московского великого князя, — помочь русской церкви в борьбе с ересями, осуществить переводы тех важнейших богословских сочинений, потребность в которых так остро сказалась во время трудных идейных схваток с еретиками XV—начала XVI вв. Максим был уверен, что важнейшей частью этой его задачи является и сближение русского православного обряда со вселенским путем исправления накопившихся в русских богослужебных книгах неточностей по наиболее авторитетным греческим оригиналам, совершенствования перевода и т. д. Сначала казалось, что его работодатели понимают важность этой цели так же, как и он. Тем страшнее прозвучали на суде обвинения в преступной порче книг и еретичестве, перечеркивающие все его дело.⁷⁴

⁷² Там же, с. 110. Есть еще несколько таких примеров.

⁷³ Там же, с. 110—119.

⁷⁴ Возможности анализа судных списков отнюдь не до конца исчерпаны: интересно сопоставить каждое из предъявленных Максиму обвинений в порче книг как с до-

Но произошло удивительное: дважды преданный за свои взгляды анафеме философ не только не отрекся от них, но сумел в конце концов убедить русское общество, руководителей церкви и страны в неизбежности этих взглядов для России. Грозный царь будет почтительно советоваться с ним, в его распоряжении окажутся возможности, штат писцов для создания все новых своих сочинений, и многие тут же будут включены митрополитом в обширнейший компендиум рекомендованных церковью для чтения благочестивых произведений — Великие Минеи Четьи. Конечно, отнюдь не идеи учителей своей молодости, итальянских гуманистов, отстаивал он в Москве — власти Святой горы имели полное основание считать его наиболее подходящим кандидатом для выполнения существенно иной задачи — защиты в сложной новой обстановке ортодоксальной чистоты православия. Но его подход к выполнению этой задачи, пропагандируемые им филологические и полемические методы оказались достаточно новыми и пугающими, чтобы обеспечить упрямому афонцу в России два отлучения и четверть века заточения. И вместе с тем острая необходимость в его сочинениях и методах будет все сильнее ощущаться уже в XVI в., а предложенные им принципы и общее направление книжного исправления осуществятся в конце концов в церковной реформе середины XVII в.

Он пришел слишком рано и поплатился за это суровым осуждением и тяжкими годами неволи. Но он пришел вовремя, чтобы увидеть в конце жизни завоеванную упорной борьбой победу и начало своей долгой славы.

шедшими до нас рукописями, вышедшими из его окружения, так и особенно со всей историей книжного исправления XVI—XVII вв.; ценный анализ Е. Е. Голубинского преследовал иные цели, см.: Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, 2-я половина. М., 1917, с. 712—724.